

А.Б.Постников

Псков на изломе судьбы: от Московского государства к Российской империи

“Город Псков до такой степени пришел в упадок, что не выделяется никакими замечательными частными постройками: все городские здания не отличаются красивою наружностью. Некогда обширный и населенный, считавшийся первым после Москвы, по пространству и богатству, русским городом, он после ряда испытаний в прошлом веке представлялся в виде старой развалившейся деревни”.

(Живописная Россия. Т. I, ч. I. Северная Россия. Север и Северо-Восток Европейской России. СПб.-М., 1881. С. 475.)

РУБЕЖ XVII-XVIII вв. поставил предел размеренному течению русской жизни в ее исторически сложившемся культурном и государственном русле, поломав все заветы, устои и традиции “доброй отеческой старины”. Неукротимой волей Великого преобразователя Россия была низринута в бурный, свирепый поток грандиозных перемен, понесший ее к мировой славе и имперскому величию через неимоверные страдания, лишения, жертвы и подвиги.

Врубаясь топором, бердышем и картечью в “окно” самодовольной Европы, Петр I развязал одну из самых кровопролитных и длительных в истории России Северную войну, в центре которой оказался древний и славный, таровитый и трудолюбивый Псков. Как и другие порубежные города, он “лег костями” во исполнение воли тщеславного Самодержца, поставляя жизненные ресурсы для моло-

ха войны, для возведения среди чухонских болот новой столицы, для создания той великой империи, границы которой сегодня можно увидеть лишь на исторических картах. Как и всегда, Псков верой и правдой служил России и в тяжелейших условиях нес свой жертвенный крест во имя общих интересов Отечества, выполняя свою многотрудную геополитическую задачу. Каких только напастей не выпадало на его долю: “нашествия иноплеменных”, смуты, моры, бешенство огненной стихии, немилости государевы. И все это он переживал и вновь восстанавливал свои силы и славу.

Почему же деятельность Петра, вызвав последний всплеск активности Пскова, безжалостно погрузила его потом во мрак унылого захолустья? Как произошел этот трагический надлом старорусского города, не устоявшего в бурях “Петровской Реформации?”

В историографии вопрос о петровских преобразованиях в Пскове совершенно не разработан. Существуют лишь две небольшие

Постников Арсений Борисович - аспирант кафедры отечественной истории Псковского педагогического института.

популярные краеведческие публикации об этом времени А.К. Янсона¹ и В.Ф.Виноградова.² Изучение литературы выявило главную проблему исследования: отсутствие в поле зрения науки широкой и целостной базы источников, т.е. фундаментального архивного материала. Так, оказались не задействованы в исторических исследованиях переписные книги Пскова XVII-XVIII вв. И хотя некоторых из них касался В.А.Аракчеев в своей статье, посвященной посадским людям по переписи 1678 г.,³ однако целостного изучения населения города в Петровскую эпоху не проводилось, а сами книги, привлеченные к рассмотрению темы, скопированные в полном объеме и статистически обработанные, используются в научном обороте впервые.⁴ С помощью переписных книг, в частности 1678, 1709, 1711 гг., удалось не только детально восстановить состав и структуру традиционного для средневековья трехсословного населения города, профессии и разряды посадских людей, чины и должности служилых, иерархию псковского духовенства, но и очертить круг причин, приведших Псков к его трагическому упадку.*

* Кроме того, переписные книги содержат очень ценный материал о псковских дворах и подворьях: жилых, торговых, промышленных, гостинных, казенных, административных, церковных, монастырских, богателенных, постоялых, а также о находящихся на них строениях; дают возможность для атрибуции сохранившихся памятников архитектуры, уточняют историческую топографию, в частности локализацию границ псковских сотен. Но самой волнующей в исследовании переписных книг представляется возможность поголового восстановления всех имен псковичей, их семей, родов, родственных связей и личных судеб, сплетенных с историей города и народа, что выходит за рамки отдельной статьи и является интереснейшей перспективой исследования.

Город и прежде переживал тяжелые времена. Достаточно вспомнить общероссийскую разруху начала XVII в., явившуюся результатом Ливонской войны и Смутного времени, в которой Псков - деятельный участник тех событий - пострадал особенно сильно. Но уже с первых Романовых во Пскове, как и по всей России, разворачивается огромная созидательная работа по возрождению и устройению посада. Свидетельство тому - активное внимание к нуждам псковичей, проявленное Московским правительством в следственном деле о князе Пожарском (1628-1631 гг.), в заботах об укреплении псковского посада;⁵ масштабная государственная деятельность боярина Б.И. Морозова, направленная на экономическое и юридическое укрепление русских городов - известное "посадское строение", завершившееся принятием Соборного Уложения, где значительная часть уделена посадским людям, в разработке которого принимал участие и псковитянин посадский человек Михайла Акинфеев Русинов. Виднейшим государственным деятелем, прилагавшим большие усилия для процветания псковского купечества, был А.Л. Ордин-Нащокин, заложивший основы меркантилизма в государственной экономической политике России. И, наконец, в правление царевны Софьи Алексеевны во Пскове разворачивается небывалое доселе по масштабам строительство каменных жилых, торговых и хозяйственных сооружений, которых к началу XVIII в. насчитывалось более 400. Данные статистики, полученные в ходе исследования переписных книг, свидетельствуют о неуклонном росте числа посадско-

го населения на протяжении всего XVII в. Все это прямой результат рачительного домостроевского отношения к своим вотчинам, которое было присуще московским государям, что подтверждают также многочисленные опубликованные акты их наказов псковским воеводам.

Как сложилась судьба Пскова и псковичей в Петровскую эпоху? Попытаемся рассмотреть основные черты перемен посословно, т.е. во всех трех сословиях, из которых традиционно состояло население города.

Псковичи посадские люди

Петровские преобразования во Пскове начались в 1699 г. с городской реформы. 30 января 1699 г. были изданы два указа, касающиеся устройства управления городов, согласно которым посадские земские старосты, таможенные и кабацкие головы переименованы на голландский манер в бурмистров. Обязанности воеводы должны были взять на себя Земские избы, куда избирались "погодно" бурмистры для управления посадскими делами. Новые бурмистры - должностные лица посадского самоуправления - выбирались общиной из числа доверенных "лучших" и "средних" людей. В их обязанности входило исполнение многих казенных служб при городских учреждениях. Они назначались сборщиками податей, были ценовщиками во время приема казенных товаров, счетчиками приема денежной казны, браковщиками и целовальниками (присяжными) у таможен, кабаков и казенных складов. Например: "Двор посадского человека Спиридона Калашника ныне он в Нарве

в целовальниках у муки, детей и иных никого нет" (1709 г., л. 93 об.). В 1711 г. упоминаются целовальники во Пскове на Тюремном дворе и при мельницах. За сохранность казенного имущества и полноту сборов целовальники несли материальную ответственность своим имуществом. Из Пскова земские бурмистры часто назначались в пригороды и уезды (в Заволочье, Вороноч, Красный, Врев и др.).

Переписи содержат сведения о ремеслах, профессиях и службах посадских псковичей. Так, в 1711 г., несмотря на разорение горожан в ходе Северной войны, только среди посадских людей отмечено 69 различных видов ремесел и промыслов. Примечательно, что, кроме профессий, которыми владели 387 посадских мужчин, переписчики не пропускали и женские виды трудовой деятельности, хотя из 66 трудолюбивых представительниц женского пола многие были вдовами и кормились черной работой (23 души) и Христовым именем (13 душ). Наиболее распространенными промыслами женщин были хлебопечение и торговля калачами. Из единичных упоминаний известны в основном занятия торговлей квасом, кожами, льном, выпеченными "грешневиками" и деревянной посудой. Встречаются и редкие для женщин промыслы - булынный, солодовый, синильный, серебряное и сапожное мастерство, торговля "всяким дельным железом" или продажа в лавке серебряного товара. Наиболее распространенными в 1711 г. среди посадских людей были следующие промыслы: торговля в рядах "всяким мелочным товаром" (52 человека), найм на черную работу (42 человека); немало псковичей лови-

ло рыбу и торговало ею в "Рыбниках" - особых рядах на берегу Псковы (37 рыбаков). Широкое пространство имели сапожное ремесло (37 человек), булынный промысел (17 человек), торговля кожами (13 человек). Многие псковичи имели огороды и выращивали овощи, поэтому 11 посадских специализировались на торговле "огородным всяким обильем".

С началом Северной войны основная торговая деятельность псковичей была ориентирована на поставки для армии Шереметева. Это позволило некоторым посадским людям увеличить свои торговые капиталы. Возвышаются роды Ямских, Трубинских, Постниковых и др. В то же время оказались утраченными традиционные связи с иноземным купечеством Швеции и Германии. Псковичам было велено отправлять товары к Архангельскому порту, что за дальностью пути делало подобные торговые операции малоприбыльными. Значительно ограничило возможности посадских псковичей введение государственных монополий на торговлю многими товарами. С этого времени наблюдается резкое снижение общего числа явок на псковских таможах и торговых оборотов псковского купечества.

К 1711 г. в Пскове вымерли последние гости Поганкины. Со смертью Григория Юрьева и Ивана Григорьева их род пресекся, а имущество перешло к Федору Русинову и Никифору Ямскому.

Традиционно развитые в Пскове ремесла приходят к 1711 г. в упадок из-за сокращения численности населения города. На казенных и посадских мастеров ложится тяжелое бремя трудовых повинностей. Распространенные в прежние вре-

мена профессии среди посадских людей зримо умахаются. Так, в 1711 г. осталось 6 кузнецов, 1 стекольщик, 1 иконописец, 5 каменщиков, 6 плотников, 1 оловящик... Меньше стало и специалистов по тонкой выделке кожевенных продуктов производства: 2 изготовителя юфти, 2 сафьянщика, 2 сыромятника и 8 человек, которые "делали шоры и муштуки, и узы, и шлеи, и всякое ременное ремесло" в основном, вероятно, для нужд расквартированных под Псковом драгун. Среди прочих были мастера, делающие "русские седла", замочники, торговец "фряским питьем"; указаны также двое посадских людей, которые "ездят наймуся в кормщиках" и посадский бобыль, имеющий "промысел учить детей грамоте".

От тягостей военного и податного времени, от принудительных высылков на строительные работы из Пскова бежали многие посадские люди. Это приводило к сокращению посада. Но размер тягла не уменьшался. Количество денег тяглого сбора с посадских людей было разложено самой общиной внутри себя сообразно достаткам и доходам каждого члена посада от его торгов и ремесла. Вследствие разверстки, на июнь месяц 1711 г. псковичи платили различные суммы, отражающие их тяглоспособность. Зажиточные и богатые купцы, подобно Семену Тимофееву сыну Русинову с племянниками, платили мирского тягла 40 рублей, или купец Тимофей Васильев сын Балакирев, плативший 30 рублей. Другие торговцы вносили от пяти до двух с лишним рублей. Большинство же посадских принадлежало к мелким ремесленникам и малоимущим людям, уплачивав-

шим за свои “пожитки, торги и землю” от рубля и ниже: до 16 или до 8 алтын. Но были и разорившиеся псковичи “обретающиеся в наймах и черных работах”, про которых перепись говорит, что у них “промыслу никакова нет”, тогда они или платили самую малость (8 алтын), или были совсем неплатежеспособны.

Военные действия на прибалтийских землях, в которых активно участвовали полки из Пскова в первый период Северной войны, привели к широкому распространению среди горожан купленных и плененных инородцев, становившихся крепостными работниками у своих хозяев. Если в 1678 г. это были немногие взрослые выходцы из-за польского, немецкого, литовского рубежа, то к 1709 г. количество таких работников значительно возрастает (152 человека купленных или полоненых). Среди них преобладают чухонцы, но попадаются ляхи, шведы и представители “латышской породы”. Почти все инородцы молоды, они покупались и брались до 20 лет, чтобы можно было воспитать их в покорности. Содержались они у людей из разных сословий - посадских, приказных людей, попов, бобылей, военных. Например, “Двор псковитина посацкого человека Андреяна Лазырева, ременника, у него купленной зарубежной чюжно новокрещенной Афанасей двенадцати лет. . . промышляют они ременным лавочным мастерством” (1711 г.; л.122 об.-123). К инородцам относились благожелательно: почти всех крестили и часто брали не только в качестве холопов, но и “за сына”. Одной из причин того, что посадские люди брали себе вскормленника “из чухнов” при наличии сво-

их детей, было, возможно, стремление отдать его в рекруты вместо родных сыновей. Но бывали случаи наследования приемными детьми имущества новообретенных родителей.

Все посадские жители на случай общей мобилизации были “по раскладке на полки положены” и со своих дворов должны были явить определенное число воинов. В 1709 г. Псковский посадский полк возглавлял богатый купец Ульян Балакирев, его двор находился в Кстовской сотне. Как и у многих офицеров, у него был свой денщик Кондратий Петров. При Псковском посадском полку состояло три “посацких людей боробанщика” и два полковых писаря.

Переписи показывают, что были сильны межсословные родственные связи: “Двор Покровского дьячка Леонтея Евдокимова, у него живет брат посацкой человек Яков, да брат же подьячей Иван Евдокимов” (1709 г.; л.54). Такие примеры не единичны. Они доказывают, что, несмотря на обособленность сословий, полной замкнутости в них не существовало. Подобным образом из единого рода, от одного корня могли происходить люди разных сословий: духовного, посадского и подьяческого, и порой они тесно переплетались и пополняли друг друга переходами и породнениями.

В переписях, особенно 1711 г., где приводится женская половина населения, встречается немало необычных примеров долголетия и развития семейно-брачных отношений. Около десятка людей доживали до 100 лет и даже более. Но свидетельства о таком возрасте, возможно, условны, ибо писцы могли записать его лишь по

внешнему виду “ветхих старцев и стариц” не выспрашивая точного возраста, которого порой не помнили и сами должители. Обращают на себя внимание и ранние или разновозрастные неравные браки, а иногда и поздняя рождаемость (в 50-60 лет), от чего родившиеся дети нередко могли иметь недостатки в умственном и телесном развитии, что подтверждается наличием в богадельнях просящих старцев до 14 лет (старинной меры возраста отроков) с “увечьями” или страдающих “малоумием”. Любопытна также запись из книги 1709 г., где говорится о необычном постояльце во дворе купца Русинова. Возможно, этот человек дал благочестивый обет и совершал паломничество: “Двор посацкого человека Ерофея Русинова, в нем поставлен рамановец посацкой человек Гаврила Лыков, который взыскал животворящий Крест Господен Царя Константина” (1709 г.; л.233 об.).

Рассматривая в общерусском масштабе значение политики Петра I в области торгового предпринимательства и деятельность правительства в отношении посадского населения, исследователи признают, что, наряду с некоторыми успехами, она имела много противоречивых результатов, целый ряд которых был явно негативным для торговли и купечества. Так, Е.В. Анисимов отмечает, что “обеднение и упадок некогда богатейших купеческих фирм, разорение городов, бегство их жителей - это и была та высокая цена, которую заплатили русские купцы, горожане за успех Северной войны, финансируя ее расходы, лишаясь своих барышей вследствие жесткой монопольной политики и раз-

личных ограничений”.⁶ Для псковского же посада время петровских реформ, отягощенное ведением войны, явилось труднейшим испытанием, которое потребовало отдачи всех сил, используемых сверх меры. Оттого столь велико было истощение богатого и многолюдного прежде посада, пришедшего теперь к оскудению в торговле и владениях, но, самое главное, потерявшего большую часть своих жителей.

Служилые люди

В первой четверти XVIII в. произошли крупные перемены в положении дворянства и ратных людей. Военная реформа Петра I закончилась с нерегулярностью русской армии. На смену городским казакам, стрельцам, пушкарям и т.д. пришли регулярные гарнизонные и полевые полки, в которые многие “приборные” люди зачислялись рядовыми. Формирование регулярной армии началось в 1699 г. с создания полков нового образца. Тогда же и был произведен первый набор рекрутов из вольных, а затем и даточных людей от разных сословий, из которых сформировано 27 пехотных и 2 драгунских полка.

Псков стал одним из пунктов сбора даточных людей. В армии Петра I сражались 10 псковских полков, сформированных в начале Северной войны. В дальнейшем, по данным переписей, псковичи проходили службу в следующих полках: 1. Аларта солдатский полк (господина генерала-поручика Аларта); 2. “Аурбускаго полку капитан”; 3. Балакирева полк солдатский (Псковский посадский полковник Ульян Балакирев); 4. “Балков полк солдацкой” (господина Николая Балка); 5. Болобонов полк сол-

датский; 6. “Боуров полк драгунской” (господина Родиона Христианьча (Адольфа Феликса) Боура полковника, ген.-поручика от кавалерии); 7. “Бранвицкой (Бронницкаго) полк солдацкой” (бывший Рухов) псковский; 8. “Брюсов полк солдацкой”; 9. Гулица полк драгунский псковский (комендант Гулиц (Гульц)); 10. “Еренков (Ерсенков) полк солдацкой”; 11. “Ингерманлацкой выборный швандрон”; 12. “Инглисов (Инглистов) полк солдацкой”; 13. Келена полк солдатский (Генерал-майор Келин); 14. Киевский полк драгунский (бывший Шневенца); 15. Купоров полк солдатский; 16. Лимов полк солдатский; 17. Луцкий полк драгунский; 18. Мевсов полк солдатский псковский (Иван Мевс); 19. Московский полк солдатский; 20. “Мурзенков драгунский псковской полк” (полковник Моисей Мурзенок); 21. “Неклюдов полк солдацкой”, “Матвеев полк Неклюдов” (напрядь сего был псковский стрелецкий); 22. “Неплюева полку солдат”; 23. “Нечаева полку московской солдат”; 24. Оберкомендантский полк (Кирилла Алексеевича Нарышкина), “казенного двора солдаты”; 25. “Олонецкой полк драгунский” (“Олонской”); 26. “Остраханской полк драгунской” (Михаила Борисовича Шереметева); 27. “Островской солдат”; 28. “Протопопова полку Московский солдат”; 29. “Резанский полк солдатской”; 30. “Ренов полк драгунской” (генерал-лейтенант Рен, генерал-майор Ренне); 31. Рухов полк солдатский (псковский пехотный); 32. “Рыдаров полк солдацкой” (“Девонисов полк Рыдаров”); 33. “Фалсквендин полк солдатский” (генерал-лейтенант Фанвердин (Фон Верден)); 34. Шереметева Б.П. (“Боярский полк Бориса Петровича Шереметева

солдатский”); 35. Шереметева М.Б. (“Полк полковника Михайла Шереметьева солдатской”); 36. Шкотов полк псковский (бывший стрелецкий, ныне солдатский); 37. “Шувалова полк солдатской” псковский (Иван Шувалов).

Многие из этих полков дислоцировались под Псковом.

С 1705 г. прекращается прием в “вольницу” и начинаются всеобщие рекрутские наборы, ставшие ежегодными. Рекрутской повинности подлежали все положенные в тягло люди, в том числе и посадские. Указ предписывал брать одного рекрута с каждых 20 дворов по переписи 1678 г.

В ходе Северной войны все псковские дворяне находились на театрах военных действий. В Пскове, ставшем базой русских войск на северо-западных границах, пребывали тогда многие крупные офицеры из Верховного командования. Перепись 1709 г. называет на Завеличье место жительства боярина Бориса Петровича Шереметева: “Двор швецкой на котором стоял Большого полку генерал Фельт маршал” (1709 г., л.258 об.).

В Раковской сотне имелись дворы адмирала Ф.М. Апраксина и брата фельдмаршала Б.П. Шереметева-Владимира Петровича.

Командовали Псковским гарнизоном в 1709 г. обер-Комендант Кирилл Алексеевич Нарышкин и полковник-комендант Гулиц. Им была поручена забота о провианте, фураже, боеприпасах, транспортных средствах, укреплениях города, а также сбор новых рекрутов.

К 1709 г. Псковский гарнизон сильно вырос. В условиях Северной войны увеличилось количество военнослужащих, размещенных на посаде - 730 солдат, у которых 560

сыновей, причем следует заметить, что больше половины из них проживали во дворах Раковской и Жирковской сотен. Старые казацки и стрелецкие полки были преобразованы в драгунские и солдатские. Казацья Бутырская слобода стала местом жительства драгун. Размеры дислоцируемой под Псковом армии значительно превышали число служилых людей, указанных в переписи 1709 г. Часть полков располагалась в городе по дворам у разных чинов, а другая, большая, близ Пскова стояла лагерем. Для солдат во Пскове была устроена своя слобода, находившаяся при их приходской Никольской церкви, расположенной рядом с церковью Покрова и Рождества от Пролома.

На первом этапе Северной войны, когда Псков являлся местом сосредоточения вооруженных сил для ведения боевых действий в Прибалтике, был сформирован артиллерийский полк полковника Гошка (1701-1702 гг.)

Тогда же стараниями Б.П. Шереметева был создан так называемый "Пейпусный флот", который действовал в бассейне рек Нарвы и Луги, а также по всей акватории Псковско-Чудского водоема. Чтобы наладить "судовое дело", были созданы дворянская и архиерейская лодейная компании, имевшие своих кормщиков и лоцманов. Из-за границы во Псков был приглашен корабельный мастер Вилим Снельгроф, под руководством которого организовано изготовление судов для озерной флотилии.⁷ Псковичи изготовляли "галей" (галеры), "шнавы" (шхуны), плоскодонные парусные лодки, струги и лодьи. В самом городе было несколько дворов, принадле-

жащих псковским матросам. Результатом создания "Пепского" флота стала победа над шведскими судами на всем пространстве Псковского и Чудского озер.

Перепись 1709 г. показывает, как в царствование Петра I происходит увеличение служилой бюрократии во Пскове по сравнению с 1678 г. Потребности города в приказных людях значительно выросли. В переписи назван один дьяк, 103 подьячих и 35 приставов. Все приказные подьячие были обязаны платить свой сословный налог, шедший на содержание эскадронных драгунских лошадей. После взятия русскими войсками Нарвы в 1703 г. туда рядом распоряжений отсылаются для служебных дел некоторые подьячие из Пскова.

С перемещением центра военных действий на земли Белоруссии и Украины изменилось стратегическое значение Пскова, бывшего прежде штаб-квартирой русской армии. Россия отодвинула свои границы к балтийским берегам, и Псков из важной пограничной крепости превратился во внутренний провинциальный город. Но он по-прежнему оставался источником пополнения материальных средств для нужд армии, а псковские солдаты несли "не щадя живота своего", службу в составе войск Б.П. Шереметева, участвуя во многих битвах Северной войны.

Духовенство

Петровская реформация православной церкви по значению и последствиям относится к важнейшим событиям в истории русской духовной жизни.

В это смутное для церкви время Псковскую епархию возглав-

лял Преосвященный Митрополит Псковский и Изборский Иосиф из рода Римских-Корсаковых, правивший с 1699 по 1717 гг.

Обширное хозяйство Псковского Владыки и его Архиерейского двора в Кремле требовало множества различных служащих. Наиболее отчетливо прослеживаются чины Архиерейского дома в росписи 1709 г.

Распорядителями по хозяйству назначались Митрополичьего домустряпчие (2 человека), делопроизводством и актовыми материалами Митрополичья приказу заведовали 2 дьяка и 11 подьячих. При этом приказе состояли митрополичьи приставы (4 человека). Для посылок и доставки писем и бумаг имелись свои ходоки (1 человек). При Архиерейском дворе служили всякие работники: на поварне - повара, на митрополичьих конюшнях - коновалы, конюхи, извозчики (или возничие), при архиерейских домовых житницах - подьячий житенного двора, сторожа, муковозы; во владычных палатах находились служки, келейщики, закройщики и прочие. В богослужении архипастырю помогали иподьяки, архиепископли попы, пономари и особые привилегированные певчие (9 человек). Имелся также и свой звонарь. В городе указаны крестьяне и бобыли, принадлежавшие Митрополиту, жившие в основном на чужих дворах подсоседниками.

Особое место в переписях 1678 и 1709 гг. занимают чины богатого и влиятельного Дома Святыя Троицы - главного соборного храма Пскова. Его владения простирались далеко за пределы посада.

После митрополита Иосифа псковским архиереем в 1718 г. был поставлен киевский единомышлен-

ник Петра I Феофан Прокопович - главный разработчик церковной реформы и сочинитель "Духовного регламента" (1721 г.), ставшего основным документом Синодального устройства русской Церкви. При назначении Феофана царь предложил освященному Собору поставить его епископом Псковским и Нарвским с тем, чтобы его резиденцией был Петербург.⁸ Только в июле 1725 г., уже после смерти царя Петра, Феофан Прокопович был переведен архиепископом в Новгород. Таким образом, один из основных искажителей церкви возглавлял Псковскую епархию и являлся "пастырем" для псковичей, имевших богатые старорусские духовные традиции религиозной жизни, которые он не мог не подрывать своей деятельностью.

В годы церковной реформы Петра I большинство земельных владений псковских городских монастырей и церквей были отображены и отписаны в государеву казну. Произошла значительная убыль священников и церковнослужителей, которую можно объяснить несколькими причинами: во-первых, "государство старалось сократить численность духовного сословия до пределов строго необходимого. Все признанные лишними люди духовного звания без послабления отдавались в солдаты и записывались в тягло";⁹ во-вторых, опустели многие приходы; во время спешного укрепления Пскова в 1701 г. были отставлены попы и причетники упраздненных и засыпанных церквей, а службы велись только в соборе; в-третьих, священники отправлялись в другие города и определялись в полки, туда, где в них была нужда.

Благочестивые религиозные

чувства псковичей особенно ярко выражались в заботе о нищих и призрении болящих. Разорившиеся, обнищавшие люди, сироты, убогие, калеки и ветхие немощные старики и старухи попадали в общество, получившее название богаделенных людей или просящих старцев. Число людей, живших подаванием, пополнялось после каких-либо общественных бедствий: неприятельских нашествий, моровых поветрий и пожаров. В 1678 г. богадельницких людей насчитывалось 112. Забота о них была предоставлена церкви и зажиточным горожанам, на средства которых сооружались богадельни и больницы. Но далеко не все нищенствующие могли поселиться в этих богоугодных заведениях. Многие принуждены были "кормиться Христовым именем", т.е. милостынею или приставать на время у людей во дворах. Некоторые из них бродили по городу с женами и детьми. Одинокие, немощные или слепые старцы нанимали себе поводырей. Число нищих особенно возросло в начале XVIII в.: в 1709 г. сумма разных богадельных людей доходила до 312 человек мужского пола, а к 1711 г. достигла 426 человек обоого пола.

По переписи 1709 г. во Пскове названо 11 богаделен и больниц, построенных псковичами-благотворителями, среди которых дворяне Яков Козлянинов, Семен Еремеев и Петр Матвеевич Апраксин; псковичи-посадские люди Федор Летов, Федосей Русинов, Тимофей Шлань; игумен Любятовского монастыря Евфимий Иванов и другие.

При богадельнях находились дячки, заботившиеся о духовном благосостоянии подопечных, совершавшие положенные служения и

молитвословия о здравии, а также старосты, избравшиеся из числа живущих. Есть даже упоминание о "богодельницком шпыне" (по В.Далю, шпынь - это 'слепой нищий, певун').

В богадельни поступали старые одинокие люди, делавшие по возможности имущественный вклад за уход и проживание в ней. Во время Северной войны в больницы все больше попадали отставные солдаты и вдовы. Многие богаделенные и просящие старцы имели душевные и телесные недуги и увечья. Например: "просящей безрукой старец", "безногой", "об одном глазе", "слеп и стар, осмидесят", "в расслаблении без ног", "падушая болезнь", "нема и глуха", "в неуме", "не в полном разуме".

Милостивое сочувствие псковичей друг к другу помогало им переживать тяжелые времена войн, пожаров, моров и разорений. Нуждавшиеся бедные люди находили у своих состоятельных соотечественников безотказное внимание, согреваемое их православной верой.

* * *

Как видно по сводным таблицам (см. приложение), население Пскова стабильно прирастало на протяжении всего XVII и начала XVIII вв. Численность устанавливается довольно точно. В ранних переписях женская половина населения города традиционно не учитывалась. Писцы указывали лишь женщин дворовладелиц, по большей части вдов. Общее число горожан дает книга 1711 г. Если взять за основу, как принято в исследованиях по демографии, число женщин примерно равным числу мужчин, то получим с учетом вдов-

дворовладельцев следующее: на 1678 г. - 11491 душа обоего пола; на 1709 г. - 19003 души; в 1711 г. - 5714 душ.

Но что это? Как понимать такое резкое сокращение населения с 19003 до 5714 человек? Более чем в три раза всего лишь за полтора года? Такой катастрофы не переживал Псков за всю предшествующую историю. Этим роковым годом был 1710 г. Сразу две напасти обрушились на жителей города: мор и пожар.

Чумная эпидемия, появившись впервые в Восточной Пруссии, через Прибалтику проникла в Ригу. Участвующие в прибалтийских походах и осаде Риги псковские полки понесли чуму во Псков. По словам Новгородской летописи, в 1710 г. "бысть мор в Риге и в Ругодиве, во Пскове, в Изборске, в Порхове, в Гдове, в Торжке и во всех уездах Псковских и Новгородских, сухих под Псков; и толикое множество помре людей во Пскове, яко погребати не успеваху и на всяк день у всякой церкви погребут человек 40 или 50 или 60, а иногда и больше, многия церкви быша без пения, яко священницы помроша; такожде по волостем."¹⁰ Чума во Пскове свирепствовала с лета до зимы 1710 г. По древней традиции, чтобы отвратить Божий гнев, несчастные псковичи, по благочестивому обещанию, во время мора "построили во Пскове 1 сентября часовню во имя преподобной мученицы Анастасии Римлянки. Строители оной записаны на поминовение во псковские синодики"¹¹.

По донесению псковского коменданта Гульца Кириллу Алексеевичу Нарышкину, только за одну неделю сентября, с 11 по 17, "во Пскове де в городе и за городом и в слободах померло скоропостиж-

ною смертью всякого чину людей обоих полов мужеска и женска 194 человека".¹²

Поскольку во Пскове находилась база для снабжения армии хлебом, а из "провиантского магазина" постоянно в Прибалтику отсылались партии съестных припасов, то во время эпидемии царь изволил обратить внимание на положение в городе. В письме Шереметьеву Петр объяснял ему невозможность вывоза хлеба из Пскова: "понеже там провиантом зело скудно, к тому ж за моровым поветрием, ныне где жестокой мор есть, ни подрядом, ни иным каким образом учинить того невозможно".¹³ Письмо было написано из С.-Петербурга 3 ноября 1710 г., а всего через несколько дней случилась новая беда: 8 ноября в Пскове начался сильнейший пожар, тушить который уже не было сил, ибо город обезлюдел. Огонь спалил во Пскове все деревянные постройки. Частично уцелели лишь каменные церкви и палаты. Огромный урон был нанесен городскому хозяйству. Как сообщает "росписной счетный список" 1733 г., "многия мелницы и торговая, и рублевая, и пятиалтынныя бани в бывшее во Пскове моровое поветрие опустели, а протчия погорели, а рыбные промышленники померли".¹⁴ Последствия безжалостного действия огненной стихии и моровой язвы нашли отражение в переписи 1711 г. Несколько городских сотен почти целиком выгорели, а жители их вымерли или ушли с пепелищ на новые места жительства. Так, в Петровской сотне осталось всего 18 дворов, из большой Великоулицкой сотни "жительствоющих" - 23 двора, в которых по большей части оставались вдовы.

Вскоре опустошенная Петровская сотня была слита с Великолуцкой, и в последующих переписях они значились объединенными. В Мокролужской сотне переписчики насчитали 12 пустых дворов. В Раковской сотне "пустых розных чинов 47 дворов". Только дома "каменного строения" продолжали стоять "на погорелых пустых дворовых местах", многие из них были разорены или выморочны (1711 г., л.153 об. - 154 об.). Запустело множество оброчных угодий: "Церковь Богоотец Иоакима и Анны девичий монастырь... а котория околородная земли и теми землями владеет Великий Господин преосвященный Иосиф митрополит псковский и изборский с 708-го году, а городовыя котория места оброчныя и безоброчныя и теми землями владели всяких чинов люди в прошлых годах безоброчно и с пожарного времени с 710-го году пусты" (Раковская сотня, 1711 г., л.156-156 об.).

Всего во время чумы и пожара убыло 13289 псковичей, сгорели все деревянные строения, "расселлись от огня" и остались выморочными многие каменные здания. Выжившее население продолжало нести денежные и натуральные повинности без послаблений и льгот, отчего всякий кто мог "разбредался".

Требования о принудительной высылке оставшихся псковичей на строительство С.-Петербурга продолжали следовать одно за другим на протяжении ряда лет. Динамика их была примерно такова: 11 марта 1713 г. - Письмо Нарышкина к Пушину: из Пскова в СПб. 308 человек с топорами¹⁵; 11 апреля 1713 г. - Пуштин пишет: "послано со псковского посаду 5 плотников с прапорщиком Василием Регелем

на Нарву. Один из плотников Крисанф Васильев бежал в пути"¹⁶ 10 мая 1713 г. велено выслать в СПб "на вечное житье мастеровых людей 90 человек з женами и з детьми: столяров -2, рещиков -2, токарей - 2, паяльщика - 1, живописца-1, гончаров-3, портных-2, черепешника-1, плотников-76". Им велено выдать жалованье на покупку хлеба 22 рубля человеку, всего 1980 р. Однако удалось послать лишь 64 человека плотников. Обер-комендант Пскова Д.Т. Пуштин обещал выслать "достальных плотников, а живописцев де и других мастеровых людей за умалением оставших от морового поветрия послать некого и в уездах таких мастеровых людей не сыскано"¹⁷.

При таком крайнем оскудении города совсем нелепым представляется письмо Меншикова к Ландрату Лопухину от 1716 г., в котором передается указ Петра с повелением: "со Пскова на новопроложенную московскую дорогу к мостовой работе выслать работных людей 1729 человек с подможными денгами и с правиантом"¹⁸.

И так далее из месяца в месяц многие годы. Результатом такой политики Петровской администрации явилось еще большее сокращение населения Пскова, его обнищание и разорение, о чем неллицеприятно свидетельствуют факты статистики переписных книг 1721, 1723, 1744 гг.

В то же время новая "надменная" столица отныне приняла на себя все экономические геополитические функции древнего Пскова, лишив его традиционных внешнеторговых рынков и отняв тем самым какие бы то ни было предпосылки для хозяйственного возрождения.

Но стоило ли пренебрегать самобытной культурой русских городов? Оставаясь памятником имперского самовозвеличения и являясь лишь талантливим подражанием европейским столицам, Петербург никогда не мог заменить для русского сердца его родного детища - Москвы. Ведь все, что было природного русского, заложено в народном сознании и культуре еще в допетровское время.

Таким был и Псков - одна из ратных и духовных твердынь Отечества, со своим уникальным генотипом, традициями и культурой. Для Петра же это старая дедовская вотчина, которую он постарался предельно использовать для своих целей. И как только она оскудела и обезлюдела, он поспешил оставить ее, вспоминая о ней лишь тогда, когда ему были нужны новые пополнения в казне от сбора пошлин.

Так Псков, в отличие от других городов, постигла судьба нелепой жертвы "Петровской реформации". Обескровленный и опустошенный, он, как негодное оружие, был безжалостно и бездумно брошен на произвол судьбы где-то в глубине России на старых дорогах войны и уже не представлял интереса для царственного взора, навечно ослепленного видениями Вены, Лондона, Амстердама и строящегося Петербурга.

Сгоревший, развалившийся, с ограбленными церквями и ободранными колокольнями, полусысыпанный гигантскими кучами (никому теперь не нужными фортециями), нищий и безлюдный, олицетворяющий своим прежним обликом нелюбезную Петру русскую старину, Псков, как израненный опальный отставной стрелец, был выброшен навсегда из державной памяти. Но, слава Богу, не из истории России!

Приложение

Таблица 1.

Население Пскова по переписным книгам 1678-1711 гг.

Годы	Население	Посадские	Служилые	Духовенство	Всего:	Общее число душ
1678	мужчины	2.577	1.600	1.448	5.625	11.491
	вдовы-дворовладелицы	108	56	77	241	
1709	мужчины	3.406	3.562	2.214	9.182	19.003
	вдовы-дворовладелицы	175	348	116	639	
1711	мужчины	1.037	903	664	2.604	5.714
	женщины	1.138	1.152	820	3.110	

Посадские люди по переписям 1646-1723 гг.

	Годы	Количество душ мужского пола
мор 1710 г.	1646	1.996
	1678	2.577
	1709	3.406
пожар	1711	1.037
	1721	682
	1723	893*

* 211 человек вернулись из бегов.

Примечания

1. Янсон А.К. Псков в первой половине XVIII века // Познай свой край. Вып.IV. Псков, 1929. С.54-63.
2. Виноградов В.Ф. Псков в годы Северной войны. Псков, 1972.
3. Аракчеев В.А. Посадское население Пскова по переписи 1678 года // Вестник Псковского вольного университета. Псков, 1994, № 1. С.99-103.
4. РГАДА, ф.1209 "Поместный приказ", оп.1, кн.8500, лл.10-413 (Переписная книга Пскова 1678 г.); там же, ф.1209, оп.1, кн.8509, лл.1-285 (Переписная книга псковичей разных чинов людей 1709 г.); там же, ф.1209, оп.1, кн.8512 (Перепись Пскова 1711 г.); там же, ф.350, оп.2, кн.2693 (Переписная книга посадских людей Пскова 1723 г.).
5. Шунков В.И. Ремесло в Пскове и Новгороде по данным сыска 1639-1640 гг. // Исторические записки. Т.5. М., 1938. С.102-117.
6. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989. С.133.
7. Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т.10. М., 1956. С.630-631.
8. Карташов А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Т.2. М., 1992. С.338.
9. Милюков П.Н. Очерки по истории Российской культуры. Т.2. М., 1994. С.162.
10. Цит. по кн.: Ключков М.В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т.1. Переписи дворов и населения (1678-1721). СПб., 1911. С.216.
11. Болховитинов Е.А. (Митрополит Евгений). Сокращенная Псковская летопись, Псков, 1993. С.80.
12. Письма и бумаги Императора Петра Великого. . . С.721.
13. Там же. С.392.
14. Сборник МАМЮ, (Псков и его пригороды). Т.VI. М., 1914. С.306.
15. ГАПО, ф.22/548, оп.1, св.5, д.12, лл.277-278.
16. Там же. Л.413.
17. Там же. Л.413 об.
18. Киселев Ю.Н. Письма А.Д. Меншикова в собрании Псковского музея-заповедника // Псков: Исторический журнал. 1995. № 3. С.98-99.

